

Хуа Цзи однажды заметил Янь Фэйду:

— Кажется, ты совсем не веришь в предопределение.

— Если бы я верил в судьбу, — ответил тогда Янь Фэйду, — то не стоял бы сейчас перед тобой.

Он и по сей день не верил в слепой рок, но готов был уверовать во Дворец Лунного Старца.

Эта связь спасла его много лет назад. Позже она привела юношу к порогу его обители, связала ученическим договором и заставила проводить под одной крышей день за днём. Оказалось, его судьба с самого начала находилась под боком.

Янь Фэйду вовсе не принадлежал к тем добрякам, что при виде любого мелкого зверька разжалобятся и заберут его к себе, но ради этого кролика он раз за разом делал исключения.

Даже Хуа Цзи не выдержал и как-то спросил: «Не слишком ли ты выделяешь этого зайчишку?»

Тогда Янь Фэйду казалось, будто Хан Цзянсюэ — просто его любимец. Если не он проявит заботу, то кто же?

Едва узнав, что Хан Цзянсюэ вернулся на гору Туло, Янь Фэйду помчался следом, ни секунды не раздумывая.

В свете людские умы считали его проницательным и расчетливым, однако сам он никогда не задумывался, что кроется за подобными порывами. Прежде любые поступки Янь Фэйду подчинялись строгому замыслу, а случайные прогулки оказывались расставленными ловушками. Он не умел действовать безрассудно.

Но теперь... Его сны, его жажда, его тревоги и тоска — всё, как выяснилось, сводилось к одному-единственному человеку.

Веер из белого нефрита выскользнул из его длинных изящных пальцев и с тихим стуком упал на землю — разумеется, не случайно.

Сквозь густую водяную пелену Янь Фэйду разглядел юношу. На том была лишь белая купальная рубаха; промокшая насквозь ткань липла к телу, обрисовывая тонкий, гибкий, словно ивовая ветвь, силуэт.

Юноша неропливо поднял руку, расправляя влажные волосы. Прозрачные капли скользили по его плечам, белым и гладким, точно драгоценный нефрит.

За густой завесой цветущих ветвей едва угадывались его пальцы — их кончики, тронутые нежным румянцем от горячего пара, медленно перебирали темные пряди.

Стук упавшего веера заставил того, кто был в купальне, обернуться.

— Кто здесь?

Голос юноши прозвучал чисто и нежно — чуть выше, чем в те времена, когда он пребывал в облике кролика.

Всплеснула вода. Юноша пересек окутанный паром бассейн, рассекая пальцами покрытую лепестками гладь, и остановился под свисающими над самым бортиком ветвями.

Солнечный свет, огибая марево испарений, падал тонким золотистым туманом прямо сверху, словно боясь обжечь юношу. Свет мягко лежал на его коже — белой и нежной, точно весеннее облако или лепестки персика. Он трепетно взмахнул длинными, как вороново крыло, ресницами и чуть приподнял взор, открывая прозрачные, точно чистейшая бирюза, глаза. Капелька воды медленно скатилась по его розоватому веку и упала в воду, пустив по поверхности призрачную, похожую на сон рябь.

Одно его присутствие заставляло всё вокруг сиять. Невозможно было отвести взгляд, невозможно было вздохнуть — казалось, малейшее дыхание развеет этот образ.

Неудивительно, что ведущая актриса из заведения «Срезание Весенних Фонарей» отказывалась выходить на сцену. Этому юноше достаточно было сделать лишь пару шагов по воде, чтобы затмить любую красавицу — истинная жемчужина Морского Владыки.

Нет, не жемчужина. Снег. Снег, способный прожечь до глубоких ран ладонь того, кто дерзнет его коснуться.

И все же, пусть даже этот снег испепелил бы человека дотла, нашлись бы тысячи тех, кто, подобно мотылькам, летящим на пламя, с радостью вскрыл бы себе грудь и вынул сердце — лишь бы удержать его за край одежды. Иначе этот юноша, случайно явленный взору смертных, растает в лучах света, и больше никогда — даже если обходить мир, бьась лбом о землю до самых высших небес, — его не удастся узреть снова.

Чуждый мирским страстям юноша протянул изящные, точно лепестки белой орхидеи, пальцы. Розоватые подушечки подхватили веер из белого нефрита, и он поднял взгляд на человека, стоящего под фиолетово-белой цветочной кроной.

Гость в алых одеждах, случайно забредавший в эти края, опустился на одно колено среди цветов, будто собирался сам подобрать упавшую вещь, но не успел — ее уже подняли.

—... А, это ты. Но я же забронировал это место.

Юноша на мгновение опешил. С его губ слетели слова, призывающие чужака уйти, но вернуть веер законному владельцу он не спешил.

Лепестки и листья дождем осыпали плечи Янь Фэйду. Для него тянулось самое долгое молчание в жизни. Наконец он заговорил, и голос его прозвучал глухо и с трудом:

— Ты не узнаешь меня?

Юноша слегка нахмурил брови:

— Янь Фэйду, Тринадцатый господин, с чего бы мне тебя не узнать?

Янь Фэйду замер. Его ресницы чуть дрогнули, он протянул руку, делая вид, что забирает веер. Юноша одновременно подался навстречу, приподнимая вещь. Локти пересеклись, и горячие пальцы мужчины ненароком опустились на изящную запястную косточку собеседника.

Хрупкость этой ручки поразила его: казалось, приложи он хоть капли лишней силы — и она переломится, точно сухая ветка.

— Раз я Тринадцатый господин, то кто же ты? — спросил Янь Фэйду.

—... Если ты злишься из-за того, что я давеча дал тебе от ворот поворот, то не стоит притворяться, будто мы незнакомы. Я, Хан Цзянсюэ, еще не дошел до того, чтобы менять имя, — Хан Цзянсюэ чуть приоткрыл алые губы, изумленный подобной мелочностью со стороны собеседника.

В голове юноши в алом пронеслись тысячи мыслей, перед глазами вспыхнули воспоминания о прошлом. В конце концов он тихо произнес:

— Я не сержусь. Но ты купаешься здесь совершенно один... Если я влюблен в тебя и ты говоришь со мной в таком виде, не боишься, что во мне проснутся дурные помыслы?

Хан Цзянсюэ с опозданием осознал положение и тут же погрузился в воду по самые глаза, не сводя с Янь Фэйду пристального взгляда.

Мгновение спустя он вынырнул и «злобно» выцедил:

— Тогда я тебя непременно зашибу!

И хотя угроз сыпал сам Хан Цзянсюэ, отчего-то под этим взглядом он смутился, а потому сразу же нырнул обратно.

Этот вид — только пара прозрачных, точно бирюза, глаз над водой — до боли напоминал маленького кролика, который вечно выглядывал из укрытия, тайком подглядывая за Янь Фэйду.

Янь Фэйду не сдержал улыбки. А уж если он желал выглядеть неотразимым, его улыбка способна была пленить кого угодно.

Весенний ветер шевелил цветущие ветви и тревожил людские сердца.

Вода в источнике была горяча, но разве могла она сравниться с жаром вспыхнувшей страсти?

В этом мире любовная игра неизменно требует то отступить, то наступать, искусно завлекая в свои сети.

Янь Фэйду поднял руку и снял прилипший к краю его века лепесток. Проведя им по собственным губам, он сжал его зубами, выжимая нежный розовый сок — так, словно касался чужой кожи. Наблюдавший за этим Хан Цзянсюэ почувствовал, как уши обдало жарким румянцем.

В глазах этого человека бушевал настоящий пожар. Для того, кто понимал, этот взгляд выражал лишь одно — неутолимую алчность.

Хан Цзянсюэ грешным делом подумал, что Янь Фэйду выкинет какую-нибудь глупость, однако в следующее мгновение господин в алом развернулся и пошел прочь. Из-за колышущихся ветвей донесся его голос, чистый и звонкий, точно удар нефрита о лед:

— Я знаю, кто ты. Вылезай из воды, а не то угоришь.

После ухода Янь Фэйду Хан Цзянсюэ встал из воды совершенно ошарашенный. Ему показалось, что Янь Фэйду за эти несколько дней сильно изменился.

Стал куда красивее, внушительнее, ласковее... но крылось в нем и нечто иное.

... Словно павлина охватил любовный гон: пусть Хан Цзянсюэ и не видел яркого хвоста, но ему казалось, будто перед ним без конца распускают пышные перья.

Впрочем, нынешний Янь Фэйду совсем не вызывал у него отвращения.

— Разве цветы вкусные?

Хан Цзянсюэ из любопытства даже выловил лепесток и отправил в рот, но тут же с отвращением выплюнул: «Пфу-пфу-пфу!». На вкус они оказались горькими. Отчего же Янь Фэйду смаковал их так, словно пил нектар?

Испивший нектара Янь Фэйду, разумеется, и не думал уходить. Он остался дежурить снаружи у водопада цветов, дабы никто случайно не забрел сюда и не узрел то же божественное откровение, что и он.

Во время этой короткой встречи Янь Фэйду понял: Хан Цзянсюэ, похоже, лишился памяти.

Янь Фэйду и раньше догадывался, что с едва теплящейся духовной силой Хан Цзянсюэ легко мог попасться в какую-нибудь ловушку. Но когда он наяву столкнулся с тем, что юноша его не помнит, сердце тяжело сжалось от едкой горечи.

Быть может, это кара? За то, что Хан Цзянсюэ находился рядом, а он так и не признал его... И свет воздал ему по заслугам. Разумеется, подобными глупостями Янь Фэйду голову себе не забивал.

Дзен-мастер Иху, должно быть, впервые удостоился от него искренней благодарности за создание Беспредельного Облика Взаимного Рождения. Не окажись Янь Фэйду здесь, он едва ли уразумел бы, в чем кроется разгадка их судьбы.

Вспомнив, как крольчонок постоянно твердил: «Я умею принимать человеческий облик!», «Мой человеческий облик ужасен!», «Ты до смерти перепугаешься!», Янь Фэйду... действительно испугался.

И испуг этот мешался с ликованием и бесконечным сожалением.

Хотя Янь Фэйду никогда не говорил об этом вслух, в глубине души он находил маленького кролика невероятно милым. Иногда ему едва удавалось подавить страстное желание потискать зверька, зарыться носом в его мягкую шерстку. Но он держал фасон, не желая уподобляться заядлым кошатникам или собачникам и признавать себя сумасбродным любителем пушистых тварей.

Крольчонок просился на ручки — он сдерживался; просился прижаться поближе — он снова проявлял сдержанность.

И к чему это привело? Какая вообще польза от этой глупой сдержанности?!

Янь Фэйду прижал ладонь к виску, предаваясь глубоким раздумьям.

В этот момент мимо проходил слуга. Заметив его, Янь Фэйду окликнул бедолагу:

— У меня к тебе пара вопросов.

Разумеется, Янь Фэйду интересовало, какая именно история связывает «Янь Фэйду» и «Хан Цзянсюэ» в этом иллюзорном мире.

Слушая сбивчивые объяснения слуги и задавая уточняющие вопросы, он быстро восстановил всю картину целиком.

Оказалось, Янь Фэйду и Хан Цзянсюэ с детства были дружны, но, повзрослев, узнали о давней вражде своих семейств.

Хан Цзянсюэ в раннем возрасте лишился отца и унаследовал титул, став самым молодым маркизом в округе, вот только никакой должности при дворе еще не получил. Янь Фэйду же обладал сметливым умом и талантами, благодаря чему сам пробил себе дорогу в чиновники.

Их постоянно сравнивали, из-за чего молодой маркиз выглядел в глазах окружающих совершенно нерадивым, что вызывало немало глухого недовольства в доме маркиза. Однако Янь Фэйду будто не замечал чужой неприязни и продолжал крутиться подле Хан Цзянсюэ, совсем как в детстве.

— Вплоть до позавчерашнего дня! — с воодушевлением рассказывал слуга, от усердия едва не срываясь на фальцет. Заметив, что юноша в красном лишь улыбается, он откашлялся и продолжил: — Позавчера вы перехватили молодого маркиза прямо посреди улицы и спросили, отчего он больше не ищет вашего общества, как прежде, и чем вы ему не угодили. Молодой маркиз не удостоил вас ответом. И тогда вы, точно отвергнутый любовник, возопили на всю улицу: «Цзянсюэ! Я люблю тебя! Если ты и дальше будешь так холоден, мое сердце просто не выдержит!». А молодой маркиз лишь яростно оглядел вас и выцедил: «Я в жизни с тобой не буду!».

Так он при всех опозорил первого ученого империи!

Слуга думал, что Янь Фэйду после такого позора до конца дней не захочет видеть Хан Цзянсюэ, но тот вдруг предстал перед ним с таким видом, будто напрочь лишился памяти, и выпрашивал подробности собственной неудачи.

Впрочем, некоторые от сильного удара теряют рассудок и начинают с особым удовольствием слушать о собственных невзгодах.

Об этой истории уже знала вся столица, и большинство горожан лишь злорадствовали. Они насмеялись над поражением Янь Фэйду и одновременно радовались, что тот потерпел неудачу.

С чего бы этой недосягаемой луне доставаться именно Янь Фэйду?

Слуга с сочувствием посмотрел на собеседника, но Янь Фэйду лишь погрузился в раздумья: какими книжонками зачитывался дзен-мастер Иху, чтобы придумать подобную драму?

Какая еще признательность на улице? Для признаний в любви куда больше подошла бы тихая ночь при луне, да на мягком алом ложе!

Янь Фэйду предался вполне взрослым фантазиям.

Впрочем, это хотя бы объясняло, отчего Хан Цзянсюэ держался с ним с такой опаской.

— Вот только молодой маркиз в последние дни сам не свой. Вдруг вздумал искать свою родную мать! Хотя нынешняя хозяйка дома ему и мачеха, но она выстирала и выкормила его, вырастила как родного. А он теперь на весь город трубит о поисках давно ушедшей матери... Кто знает, что у него на уме, — пробормотал слуга про себя, вспомнив еще одну странность.

Янь Фэйду изогнул бровь. Одарив слугу щедрыми чаевыми, он отпустил его.

«Даже позабыв, кто он такой, всё равно помнит, что нужно найти матушку?» — Янь Фэйду едва заметно улыбнулся, поглаживая костяную рукоять веера, словно всё ещё ощущал на ней тепло пальцев Хан Цзянсюэ.

Немного спустя из купальни вышел юноша в серебристо-белых одеждах. Пояс у него был того же тона, а с влажных волос капала вода. Он походил на ветвь белой орхидеи — благоухающую, чистую и прекрасную, словно лунный свет.

Вот только, выйдя наружу, Хан Цзянсюэ обнаружил, что Янь Фэйду все еще стоит на галерее и не думает уходить.

Стоило Хан Цзянсюэ показаться, как Янь Фэйду тут же обернулся, собираясь что-то сказать.

Сердце Хан Цзянсюэ сжалось, и он выпалил:

— Мне с тобой не о чем разговаривать!

Из-за волнения конец фразы прозвучал с каким-то кокетливым капризом. Хан Цзянсюэ мысленно проклял свою неловкую речь и поспешно добавил:

— Вот именно! Совсем не о чем!

Янь Фэйду не стал, как опасался Хан Цзянсюэ, пользоваться случаем и говорить нежности. Вместо этого он чуть нахмурился и с глубоким беспокойством спросил:

— Отчего ты выходишь, даже не вытерев волосы?

— Я как раз иду сушить их над благовониями...

Не успел Хан Цзянсюэ договорить, как Янь Фэйду с улыбкой шагнул к нему:

— Какое совпадение, мне тоже нужно.

Вот только волосы Янь Фэйду были абсолютно сухими и безупречно уложенными. Хан Цзянсюэ демонстративно откашлялся и произнес со всей строгостью:

— Мы росли вместе, и я не хочу каждый день выставлять тебя на посмешище. Но нам действительно не о чем говорить. Ты разве не должен быть сегодня в Академии Ханьлинь?

Янь Фэйду и не подозревал, что ему полагается ходить на службу:

— А разве в этом есть необходимость?

Хан Цзянсюэ на мгновение лишился дара речи и ткнул в него пальцем:

— Даже... даже если это удар для тебя, нельзя же вот так опускать руки! Человек не может жить без работы!

В этих словах сквозила прежняя гордость маленького кролика, не желавшего даром есть чужой хлеб.

Янь Фэйду мягко улыбнулся:

— Что ж, ладно, я подумаю, стоит ли мне идти. Но ты ведь сам сегодня пришел в «Срезание Весенних Фонарей». Зачем?

Хан Цзянсюэ опустил голову и понюхал свое запястье. Убедившись, что запаха вина не

осталось, он облегченно вздохнул:

— Пил с дядьями и старшими, один из них пролил на меня вино.

Пока они разговаривали, они подошли к отдельной комнате для сушки волос. С другой стороны галереи к ним уже спешил слуга с подносом, на котором стояли курительница, лежали веер, сухое полотенце и ароматическое масло.

— Можешь идти...

Хан Цзянсюэ только собрался отослать Янь Фэйду, как слуга внезапно побледнел, резко поставил поднос и виновато поклонился:

— Простите, молодой маркиз! Мне невтерпеж по нужде! Мочи нет терпеть!

Грубить перед гостями было крайним неприличием, но против природы не попрешь!

Слуга мгновенно испарился. Янь Фэйду непринужденно поднял поднос и с улыбкой посмотрел на Хан Цзянсюэ:

— Хотя старшие, захмелев, теряют счет времени, все же не стоит заставлять их долго ждать.

— Я собирался сам высушить волосы! — Хан Цзянсюэ вовсе не намеревался позволять кому попало прикасаться к себе!

— А если я попрошу? — Янь Фэйду чуть наклонился, сровнявшись взглядом с Хан Цзянсюэ. В его глазах искрился нежный смех. — Или... ты и впрямь мнишь себя неотразимым и думаешь, будто я без тебя жить не могу?

Хан Цзянсюэ поперхнулся, но тут же возразил:

— Ты сам говорил, что не можешь без меня!

Янь Фэйду лишь беспечно улыбнулся, точно заправский плут:

— Верно. Но тот, кто это говорил, уже умер. А сегодняшний я — совершенно новый человек. Мне уже всё равно, а вот ты, получается, принимаешь это близко к сердцу?

«Надо же быть настолько бесстыдным!»

Хан Цзянсюэ... Хан Цзянсюэ, разумеется, ничего не принимал близко к сердцу!

Чтобы доказать своё полное равнодушие и показать, что между ними не может быть никаких чувств, кроме давней детской дружбы, он толкнул дверь комнаты и отвернулся:

— Заходи.

Жест выглядел довольно грубым, но, судя по всему, грубость полностью искупалась красотой.

Юноша думал, что проявляет непреклонность, однако на деле лишь заставил улыбку в глазах Янь Фэйду стать еще теплее.

Янь Фэйду и раньше сушил шерстку кролика.

У крольчонка Хан Цзянсюэ мех был густым и шелковистым. Когда они ели вместе, тот от усердия наворачивал кашу так быстро, что вымазывался по самые уши.

Янь Фэйду вытирал его платочком, после чего кролик отряхивался, прыгал к жаровне и через пару минут снова становился сухим и пушистым.

Сейчас же перед ним сидел юноша. Его черные, точно смоль, волосы шелковыми струями ниспадали на спину, напоминая ночную реку в ясный день.

Янь Фэйду никогда ни за кем не ухаживал, но это не мешало ему проявлять удивительную нежность.

Он осторожно проносил курильницу под длинными прядями Хан Цзянсюэ, позволяя теплomu дыму сушить влагу.

Поговаривают, будто по волосам можно судить о характере человека.

Упрямые и жесткие волосы бывают у людей прямых или вспыльчивых, а те, чьи пряди мягки, пусть и не всегда добры душой, но почти всегда отходчивы и мягкосердечны.

Длинные, красивые пальцы мужчины плавно перебирали шелковистые пряди. За резным окном кто-то играл на цитре. Хан Цзянсюэ склонил голову набок, прислушиваясь. К изысканным искусствам он был равнодушен, куда больше ему нравились фехтование и воинские упражнения.

— Что это за мелодия? — пробормотал он про себя.

— Мелодия о том, что не следует быть слишком доверчивым, — тихо ответил Янь Фэйду.

Он взял гребень, зажав в губах серебряную ленту. Смазав зубья цветочным маслом, он прядь за прядью начал бережно расчесывать волосы Хан Цзянсюэ.

Хан Цзянсюэ от этих мерных движений разморило, он подпер ладонью подбородок и спросил:

— Не следует... верить?

Янь Фэйду собрал густые волосы юноши в один хвост и медленно перевязал их.

— Например, то, что я сказал ранее — будто ты мне больше не безразличен — было ложью.

Хан Цзянсюэ мгновенно очнулся от дремоты, но Янь Фэйду уже выпустил его волосы. Темные пряди соскользнули с пальцев юноши, точно шелковая лента.

Господин в алом встал, мягко улыбаясь:

— Хотя я и пытался заставить себя разлюбить тебя, но ничего не могу с собой поделать. Должно быть, я глупец: потеряв столько времени, я только сейчас понял, что должен вернуть тебя.

Прежде именно Хан Цзянсюэ всегда искал его общества. Теперь же настала его очередь.

Хан Цзянсюэ ошеломленно уставился на Янь Фэйду. Ему и раньше не раз признавались в любви и симпатии, но большинство этих слов он пропускал мимо ушей.

Однако сейчас, слыша это от Янь Фэйду, он отчего-то почувствовал невольную радость.

«Зачем кому-то намеренно глупеть?»

Хан Цзянсюэ качнул головой, подавляя вспыхнувшее чувство. Как бы красиво ни говорил Янь Фэйду, он... он просто не имеет права влюбляться.

Остаться здесь дальше было опасно — кто знает, что еще наговорит этот безумец.

Словно спасаясь бегством, Хан Цзянсюэ резко распахнул дверь и тут же столкнулся со слугой, который, оказывается, уже вернулся и стоял, прижав ухо к косяку.

— Я... я пришел забрать вещи! — дал петуха слуга, пытаясь скрыть свое любопытство.

Если в заведении узнают, что он подслушивал разговор гостей, с него сдерут три кожи!

Но ведь это же главные сплетники города — Хан Цзянсюэ и Янь Фэйду!

Совсем недавно казалось, будто они разошлись навсегда, а теперь снова вместе в отдельной комнате!

Что это значит?!

Неужто настойчивый ухажер всё-таки добился своего?

— И не смей болтать лишнего на улице! — смущенно и гневно крикнул Хан Цзянсюэ, опасаясь новых нелепых слухов.

Прежде этот юноша казался неземным созданием, а теперь его мочки ушей пылали ярким румянцем. И хотя сам он злился, со стороны казалось, будто сказочный небожитель ступил в пыль смертного мира — да так, что у наблюдателя перехватило дыхание.

Широкий алый рукав заслонил слуге обзор. Благородный господин в алом опустил взгляд на перепуганного слугу:

— Забудь.

Забудь услышанное и забудь то, что успел узреть.

Слуга на мгновение застыл. Когда он пришел в себя, Янь Фэйду и Хан Цзянсюэ уже исчезли, а сам он помнил лишь то, что пришел забрать поднос.

Янь Фэйду вышел вслед за Хан Цзянсюэ, но тот бежал так быстро, что вскоре затерялся среди коридоров.

Когда запыхавшийся Хан Цзянсюэ вернулся к гостям и опустился на свое место, сидевший рядом дядя внезапно произнес:

— О, да это же Тринадцатый из семейства Янь! И ты здесь?

Хан Цзянсюэ резко повернулся и увидел Янь Фэйду, который неизвестно как оказался прямо за его спиной!

— Ты что, призрак?

Ходит без единого звука!

Янь Фэйду улыбнулся Хан Цзянсюэ, после чего вежливо поклонился присутствующим старшим:

— Случайно столкнулся с Цзянсюэ, да и с вами давно не виделся, вот и решил засвидетельствовать свое почтение.

В ответ слышались вежливые возгласы: «Ну что вы!», «Какая честь!».

Перед старшими Янь Фэйду оставался лишь младшим по возрасту. Выпив чарку вина, он спокойно уселся за стол.

У Хан Цзянсюэ имелось важное дело, и он не желал тратить силы на перепалки. Повернувшись к пожилому дяде, он тихо попросил:

— Замолвите за меня слово перед Его Величеством. Я уже вырос и хочу служить государю. Мне подойдет любая должность при дворе.

Седовласый мужчина расхохотался, отпил из чарки и похлопал юношу по плечу:

— Глупый мальчишка! Ты жируешь, ничего не делая, и получаешь жалование — да полстолицы тебе завидует! Не смотри на меня так жалостливо... Ладно, до меня доходили слухи, будто императору требуется пара толковых ребят, чтобы выпестовать из них молодых генералов. При случае я спрошу о тебе!

Хан Цзянсюэ просиял и тут же подлил дяде вина.

Янь Фэйду молча наблюдал за происходящим. Хотя юноша и улыбался, взгляд его оставался предельно холодным — очевидно, слова старшего были лишь обычной застольной вежливостью, и никто не собирался хлопотать за него при дворе.

Зачем Хан Цзянсюэ так рвется во дворец?

Янь Фэйду вспомнил слова слуги: неужели его родная мать находится в императорском дворце?

Сидевший напротив Янь Фэйду мужчина средних лет успел лишнего перебрать и, позабыв об осторожности, решил подшутить над ним:

— Тринадцатый господин, а мы-то думали, ты после того позора до конца дней не захочешь видеть нашего А-Сюэ! Чего ж ты снова увязался за ним? Совсем совесть потерял?

Хан Цзянсюэ нахмурился. Как бы там ни было, они с Янь Фэйду росли вместе, и он не позволял чужакам насмехаться над ним:

— Дядюшка, не стоит...

Среди звона чаш господин в алом, чье лицо озарял мягкий свет фонарей, лишь слегка улыбнулся. Он плавно поднял кубок и ответил:

— В этом мире все влюбленные — глупцы. К чему заботиться о каком-то «лице»? Сдери его, вырастет новое — невелика цена.

Слова прозвучали с наигранным смирением, однако сама посадка Янь Фэйду оставалась настолько горделивой, будто он снизошел до разговора с этими людьми исключительно из одолжения.

Присутствующие опешили. Кто-то виновато усмехнулся:

— Сразу видно — первый ученик империи!

Всю свою словесную эквилибристику пустил на застольные перепалки.

Хотя Янь Фэйду больше никто не донимал, Хан Цзянсюэ чувствовал невольную досаду. Ему не хотелось, чтобы его имя становилось поводом для насмешек над Янь Фэйду.

В конце концов, главное дело уже улажено!

— Я ухожу. А ты? — Хан Цзянсюэ резко поднялся и посмотрел на Янь Фэйду.

Тот, разумеется, сложа руки, проследовал за ним.

Старшие лишь качали головами, глядя им вслед.

Два прекрасных юноши — один убегает, другой догоняет. Казалось бы, этой связи пришел конец.

Но к чему тогда эта странная недосказанность?

Темнело. Золотой диск заходящего солнца застыл над высокой аркой пайлоу.

Цокали копыта по каменным плитам. Господин в алом и юноша в белом ехали бок о бок на конях, точно юные рыцари из старинных сказаний.

Уличные торговцы и прохожие невольно останавливались, заворуженно глядя им вслед.

— Молодой господин, не желаете купить цветов? Молодой господин, не хотите ли засахаренных ягод на палочке?

Они звали Хан Цзянсюэ «молодым господином», хотя все знали, что перед ними маркиз — просто людям хотелось перекинуться с ним хоть словом.

Хан Цзянсюэ лишь качал головой — ему ничего не было нужно.

Янь Фэйду же с интересом поглядывал по сторонам, будто пытался понять, действительно ли Хан Цзянсюэ отказывается или просто скромничает.

Глядя прямо перед собой, Хан Цзянсюэ вдруг тихо откашлялся:

— Эм... То, что говорили за столом... не бери в голову. Но про любовь... про это больше не заикайся. Я ни за что не буду с тобой.

Янь Фэйду вовсе не выглядел огорченным. Напротив, он мягко улыбнулся:

— Чем же я так плох? Я могу измениться. Назови мне хоть одну причину.

Хан Цзянсюэ онемел.

Раз уж Янь Фэйду требовал причину, он ему ее даст!

— В общем, пока ты человек — ничего не выйдет!

Услышав это, Янь Фэйду чуть не поаплодировал его находчивости. Вот уж действительно, Беспредельный Облик Взаимного Рождения превзошел сам себя! Чтобы заставить его сполна изведать муку неразделенной любви, он просто выбил почву у него из-под ног — покруче, чем золотая шпилька Западной Владычицы-матери, проведенная Млечный Путь.

Но какую бы преграду ни воздвигла судьба, Янь Фэйду способен был перешагнуть через любую.

Он изящно улыбнулся — благородный и утонченный, словно редкое орхидейное дерево, — хотя с его губ слетели слова, от которых покраснел бы и сам Будда:

— Ради тебя я готов перестать быть человеком. Теперь-то мне позволено любить тебя?

Рука Хан Цзянсюэ, сжимавшая поводья, дрогнула. В его голове пронеслось лишь одно емкое слово: «Извращенец!».

Как можно быть настолько бесстыдным?!

Пока Хан Цзянсюэ переживал внутреннюю бурю, Янь Фэйду натянул поводья и повернулся к лавке, где торговали фонариками в виде карпов.

— Хочешь такой?

Хан Цзянсюэ решил, что тот пытается перевести тему, и сердито буркнул:

— С чего бы это!

Но стоит ему разглядеть фонари поближе, как ноги сами отказались идти дальше.

Янь Фэйду заметил этот взгляд, улыбнулся, легко соскочил с коня и направился к торговцу.

Среди сотен рыбьих фонарей, предназначенных для спуска на воду, благородный господин выбрал два самых верхних: золотую рыбку и красного карпа.

Оба фонаря изображали упитанных, толстобрюхих рыбок с пышными, развевающимися хвостами.

— Какой тебе больше нравится? — Янь Фэйду протянул оба фонаря.

Хан Цзянсюэ промолчал, делая вид, будто не хочет принимать подарок, но его взгляд прикипел к красному карпу. Янь Фэйду тут же вложил его ему в руки.

Держа фонарь и глядя бумажный хвост, Хан Цзянсюэ тихо спросил:

— Откуда ты знал, что я хочу именно его?

Янь Фэйду снизу вверх посмотрел на юношу, сидящего в седле:

— Потому что один мой знакомый однажды спросил, отчего в моем пруду нет рыбы. Он сказал, что больше всего любит красных карпов.

На пике Рассветного Рога на Морозном Небе круглый год шел снег, и в тамошнем пруду, разумеется, никакой рыбы не водилось.

Каждый раз, проходя мимо, крольчонок Хан Цзянсюэ находил этот водоем невероятно унылым. На его расспросы Янь Фэйду лишь ответил, что просто не подвел к пруду теплую воду.

Но раз маленькому кролику так нравились рыбки, стоит достать их для него.

Все «любимцы» ведь без ума от рыбы.

Когда Янь Фэйду спросил его, какую именно рыбу тот предпочитает, крольчонок с улыбкой поднял лапку: «Конечно же, красного карпа! Большого, жирного — такого, какого обнимают младенцы на новогодних картинах!».

Прижимая к себе фонарь, Хан Цзянсюэ не знал, кого именно вспомнил Янь Фэйду, одаривший его столь нежной улыбкой, но на душе у него отчего-то стало тепло.

Впрочем... Проехав еще немного, Хан Цзянсюэ не удержался:

— Хватит за мной таскаться, ты уже приехал.

Хан Цзянсюэ указал на массивные ворота, откуда уже выбегало несколько слуг, чтобы принять коня Янь Фэйду.

Янь Фэйду изобразил наигранное изумление:

— Надо же, оказывается, это мой дом.

Заметив, что Янь Фэйду не шевелится, Хан Цзянсюэ строгим тоном приказал слугам:

— Заберите его, ему завтра с утра на службу.

Янь Фэйду подумал: «О, оказывается, у меня есть служба. А значит, я смогу попасть во дворец?».

Если он найдет родную мать Хан Цзянсюэ, они смогут выбраться отсюда.

И всё же, несмотря на принятое решение, Янь Фэйду не спешил уходить. Он протянул руку к Хан Цзянсюэ.

Хан Цзянсюэ растерялся:

— Что еще?

Но повинувшись то ли привычке, то ли собственному порыву, он тоже протянул руку навстречу.

Оба сидели в седлах. Янь Фэйду слегка наклонился, и алая лента, вплетенная в его волосы, соскользнула с плеча, упав на грудь Хан Цзянсюэ.

Хан Цзянсюэ ощутил его горячее дыхание совсем близко. Он подался назад, решил, что тот собирается его поцеловать.

Однако Янь Фэйду не стал хватать его за руку и не позволил себе никакой дерзости на людях. Он лишь поднял ладонь и ласково погладил Хан Цзянсюэ по макушке.

— Хотя я и не знаю, отчего ты так упрямо отталкиваешь меня и говоришь со мной так «строго», я хочу, чтобы ты знал: что бы ты ни сделал, я никогда не разгневаюсь на тебя. Слышишь? Никогда.

Потому не нужно больше прятать взгляд. Какими бы резкими ни прозвучали его слова, этот тонко скроенный юноша каждый раз виновато отводил глаза, а затем боязливо оглядывался назад...

Совсем как испуганный кролик, тайком подглядывающий из оконной щели.

Янь Фэйду улыбнулся, сошел с коня и скрылся за воротами.

Хан Цзянсюэ еще долго стоял на месте. Он поднес руку к макушке и тихо, с глубоким сожалением прошептал:

— Прости... Было бы куда лучше... если бы ты меня не любил...

Стоило Янь Фэйду переступить порог «родного» дома, как из главного зала выскочил высокий старик с тростью наперевес!

Янь Фэйду нашел это довольно любопытным и просто отступил в сторону, позволяя палке с грохотом опуститься на каменный пол.

— Ах ты, негодный сын! Ты опять увязался за Хан Цзянсюэ?! Мне донесли, что вы миловались прямо перед резиденцией герцога! У тебя хоть капля стыда осталась?!

Янь Фэйду тяжело вздохнул:

— Отчего у вас всех одна и та же песня? Разве так трудно обойтись без стыда?

Герцог — а именно им приходился этот старик Янь Фэйду в иллюзорном мире — едва не задохнулся от возмущения. Схватившись за грудь, он уселся прямо на пол и причитал:

— Позор на весь наш род! Беспутное животное, как ты посмотришь в глаза предкам?! Ты же знаешь, что между нашими семьями вражда, а сам бегаешь за Хан Цзянсюэ, точно собачонка! Ты — лучший из нашего рода, самый способный! Неужто не понимаешь, что для чиновника репутация дороже жизни?! Каким бы красавцем ни был этот Хан Цзянсюэ, его красотой сыт не будешь! Или ты вознамерился уйти приспешником в их дом?!

Янь Фэйду сделал вид, будто всерьез задумался:

— А что, вышла бы весьма неплохая история.

Герцог едва не лишился чувств, но Янь Фэйду вовсе не желал доводить «отца» до кондрашки.

Он вежливо сложил руки в приветствии и совершенно искренне поинтересовался:

— Отец, сие «беспутное животное» желает узнать: как именно надлежит ходить на утренний прием к императору? Не могли бы вы... ввести меня в курс дел?

Пока в доме герцога кипели страсти, в усадьбе маркиза разворачивалась собственная драма.

Стоило Хан Цзянсюэ вернуться, как до его ушей донеслись горькие женские рыдания:

— Дитя мое! Я выпестовала тебя, когда ты был с ноготок, вырастила, выкормила! В чем же моя вина, отчего ты каждые три дня сбегаешь из дома и ищешь какую-то «родную матушку»?!

В пышно убранной гостиной, озаренной сотнями свечей, восседала нарядная дама. Свет был настолько ярким, что Хан Цзянсюэ невольно зажмурился.

Несколько служанок суетились вокруг, умоляя хозяйку успокоиться.

— Я помню вашу доброту, но разве поиск матушки этому мешает?.. — в сотый раз повторил Хан Цзянсюэ заученную фразу.

Однако эти слова вызвали лишь новую волну рыданий.

Мачеха, госпожа Лянь, заливалась слезами, готовая вот-вот упасть в обморок:

— В чем я не угодила тебе, что ты даже не посоветовался со мной и раззвонил об этом на всю столицу?! Ты ведь знаешь, что твоя мать умерла сразу после твоих родов! Где ты собрался ее искать?! И что теперь — если не найдешь, так и будешь скитаться и не вернешься домой?!

Хан Цзянсюэ вздохнул:

— Но я ведь вернулся?

Госпожа Лянь дрожа поднялась, сжимая насквозь промокший платок:

— Раз я тебе не угодна, пойду и я вслед за твоим отцом! Я не жду от тебя благодарности, но отчего ты так резко изменился в последние дни?!

С этими словами она вознамерилась разбить себе голову о стену.

Хан Цзянсюэ с молниеносной ловкостью перехватил ее и крикнул служанкам:

— Проводите... матушку в ее покои и подайте успокоительный отвар.

Госпожа Лянь и не думала умирать — она лишь хотела упрекнуть Хан Цзянсюэ в неучтительности за то, что тот опозорил ее перед всей столицей.

Родная мать Хан Цзянсюэ покинула этот мир более десяти лет назад, где ее теперь сыщешь?!

Когда даму увели, Хан Цзянсюэ устало размял затекшие плечи. Взяв свой маленький фонарь-карп, он побрел в собственный двор.

У каждого дома свои скелеты в шкафу. Интересно, у всех ли жизнь похожа на бесконечный театр, где представления идут без перерыва?

Мимо проходил слуга с охапкой писем. Заметив маркиза, он остановился в ожидании указаний.

Хан Цзянсюэ лишь махнул рукой:

— Как обычно.

Слуга кивнул и отправился сжигать бумагу.

Все эти письма присылали пылкие поклонники Хан Цзянсюэ, но тот не ответил ни на одно.

Будь там искренние признания или флиртующие стихи — Хан Цзянсюэ не питал любви к изящной словесности и половину пышных фраз попросту не понимал.

В отличие от своей сказочной, неземной внешности, Хан Цзянсюэ был самым настоящим неотёсанным чурбаном.

Вернувшись в комнату, он отослал слуг и остался один.

Юноша медленно скинул верхнее платье, затем нижнюю рубаху. В свете свечей его белоснежная кожа и невероятная красота должны были составить сценарий для пикантной сцены из любовного романа, однако тень на стене внезапно изменилась.

Высокий, стройный силуэт юноши стал стремительно уменьшаться, пока не превратился в крошечный комок размером с ладонь.

Мгновение спустя из-за резной ширмы с изображением гор и птиц выкатился светло-коричневый пушистый кролик.

Крольчонок посмотрел в зеркало, разглядывая свое мягкое, круглое тельце, и снова тяжело вздохнул: «Эх...».

Да, Хан Цзянсюэ искал матушку вовсе не от хорошей жизни — он просто прозрел относительно своего истинного происхождения.

В один из дней он будто очнулся от затяжного сна. Спрыгнув с кровати, он удивился, отчего постель кажется такой высокой, а до одежды не дотянуться.

Протерев глаза, Хан Цзянсюэ с ужасом обнаружил в зеркале... маленького пушистого кролика!

Короткие ушки, еще более короткие лапки, пухлые щечки и круглое брюшко!

Неудивительно, что люди твердили, будто его облик не принадлежит смертному миру — он действительно был не человеком!

Раз Хан Цзянсюэ умел превращаться в кролика, он ни за что не мог быть дитятей двух обычных смертных. Учитывая, что его покойный отец был человеком, родная мать наверняка являлась демоницей!

Крольчонок вскарабкался на подоконник и взглянул на небо сквозь оконную щель. В вышине сияла полная луна, а рядом с ней тянулась едва заметная, мерцающая белая нить, похожая на шелковый шнур.

Эта нить тянулась через всю ночь и указывала прямо на императорский дворец.

Столько лет он ничего не знал о матери, а теперь, обретя облик кролика, почувствовал непреодолимое желание найти ее.

В его груди жило стойкое убеждение: даже если ему суждено погибнуть, он обязан отыскать матушку.

Каждый раз при мысли о ней его обдавало волной тепла — словно его когда-то согревали под мягким пушистым брюшком.

Крольчонок долго сидел на окне, всматриваясь в ночное небо. Он уже пытался проникнуть во дворец в этом облике, но стражники сцапали его прямо на месте и чуть не отправили на императорскую кухню — делать острую крольчатину!

К счастью, Хан Цзянсюэ удалось вырваться, но повторять попытку он больше не рисковал.

Потому в последние дни он задействовал все связи: извел кучу дорогого чая, а сегодня даже отправился пить со старшими — и всё ради того, чтобы получить законную должность во дворце.

Устав смотреть на небо, Хан Цзянсюэ задул свечу, прыгнул на кровать и зарылся в одеяло.

Мгновение спустя он снова выскочил, стащил с подставки красного карпа и перетащил его на постель.

Для крошечного кролика этот фонарь казался огромным — размером с четырех таких зверьков, уложенных в ряд.

Хан Цзянсюэ бережно укрыл бумажную рыбу одеялом и зажмурился.

«Прости меня, Янь Фэйду... Я не хотел быть с тобой таким грубым. Но я не могу погубить тебя. Потому что... кролики не могут быть с людьми! Людям и демонам не по пути!!!»

При лунном свете маленький кролик крепко заснул. Он причмокивал во сне, его крошечные задние лапки едва заметно подергивались, а передними лапками он крепко сжимал плавник красной карповой лампы.

«Бессмертный...»

В своем сне Хан Цзянсюэ снова пребывал в облике пушистого зверька. Он сидел на коленях у незнакомца и доверчиво уткнулся макушкой в его теплую ладонь.

Он не видел лица этого человека, но знал, что его руки излучают удивительное тепло.

Каким бы темным ни был мрак и каким бы лютым ни казался мороз, эта рука всегда могла уберечь его от холода.

Хан Цзянсюэ не ведал, что, пока он спал, настоящий бессмертный сидел на краю его кровати, тихо глядя его по голове. И лишь когда юноша во сне сладко улыбнулся, гость бесшумно поднялся и исчез в ночи.

Когда Янь Фэйду вернулся в дом герцога, слуги уже с ног сбились в его поисках.

Едва рассвело, Янь Фэйду оседлал экипаж и направился к императорскому дворцу.

Он приподнял шторку и выглянул наружу. Это был не просто взгляд — он сканировал потоки духовной энергии.

К сожалению, даже зная, что во дворце кроется нечто нечистое, в этом иллюзорном мире Янь Фэйду не мог переступить через установленные правила и сразу вычислить местонахождение дзен-мастера Иху.

В конце концов, подобные демоны, прячущиеся в собственных иллюзиях и питающиеся чужим поклонением, владели искусством скрытности в совершенстве.

Янь Фэйду раскрыл веер, раздумывая о том, что после приема можно будет снова навестить Хан Цзянсюэ.

Раз уж он сам (на словах) перестал быть человеком, какие еще причины найдутся у Хан Цзянсюэ, чтобы отказывать ему?

В императорском дворце один из принцев, воспользовавшись временем перед началом утреннего приема, поспешил к дверям императорского кабинета.

Двери кабинета распахнулись. Принц пал на колени прямо на холодные плиты и, отвесив низкий поклон, громко произнес:

— Отец! Ваш покорный слуга просит даровать мне указ о бракосочетании!

<http://bllate.org/book/20471/2161808>